

СМЕРТЬ.

(Изъ Гердера).

Въ объятіяхъ нашихъ человѣкъ намъ милый представился.... вдругъ остановилися въ немъ и кровь и дыханіе и сердце и жизнь; очи его оцѣпенѣли, ухо не слышитъ, онъ сталъ недвижимъ и холоднѣ;—человѣкъ пересталъ быть человѣкомъ: его коснулася рука смерти.

Все это въ первыя мгновенія до того поражаетъ насъ, что съ начала мы склонны считать это за сонъ, за обманъ воображенія и напрасный ужасъ. Мы почти думаемъ: быть не можетъ! тѣло непременно опять согрѣется, сердце вновь начнетъ биться, возвратится душа, очи откроются. Возможно ли, чтобы тотъ, кто такъ еще недавно говорилъ, мыслилъ, чувствовалъ, дѣйствовалъ, такимъ же былъ человѣкомъ, какъ мы,—уже не существовалъ?.. Какъ? неужели его духъ погасъ или отдѣленъ отъ тѣла неизмѣримымъ странствомъ?

Нѣтъ! быть можетъ, душа еще въ немъ; быть можетъ, она носится около насъ, слышитъ насъ, смотритъ на насъ,—проговорить, какъ прежде, возвратится....

О! Еслибы!

Но между тѣмъ душа отшедшая не возвращается,—а душа тоскующая по ней, покинутая здѣсь, видитъ, что тѣшитъ себя обманомъ, лживымъ созданіемъ любви и слабости человѣческой,—сладкою мечтою разстроеннаго воображенія, обольстительнымъ призракомъ, котораго творецъ только сердце, жаждающее заблужденія... И тогда тотъ, кто лишился друга, впадаетъ въ какую-то грустную сонливость, какъ-бы въ нѣмое, усталое, глухое опьянѣніе,—и обыкновенно не прежде

пробуждается, какъ въ тотъ часъ, который въ его груди все пробуждаетъ, который приступаетъ къ нему вооруженный всѣмъ, что только есть болѣзненнаго, всѣмъ, что можетъ заставить содрогнуться,—въ страшный часъ погребенія.

Вотъ гудитъ похоронный колоколь: настала часъ, когда и послѣдній остатокъ, когда и самый видъ бездыханнаго тѣла спадетъ съ лица земли....

Гудитъ колоколь: вскорѣ увидимъ въ послѣдній разъ уже не друга нашего, не его самага, а только тѣсный, одинокий его домъ; въ послѣдній разъ остановимъ взоры на гробѣ его, въ послѣдній разъ скажемъ ему: прости!

Гудитъ! идемъ съ нимъ въ послѣдній печальный, тихій путь, съ котораго онъ съ нами не пойдетъ уже обратно.

Этотъ часъ такъ поразителенъ, такъ грозенъ, что едва ли допускаетъ ясное, спокойное размышленіе.

Силы душевныя потомъ уравниваются, мрачныя картины отступаютъ въ нѣкоторое отдаленіе такъ, что взору просторнѣе и онъ можетъ всмотрѣться въ нихъ; благотворная рука времени пролила нѣсколько капель облегченія и утѣшенія въ чашу горести; первая сила ощущенія слабѣетъ, и надъ сердцемъ и надъ гробомъ становится тише.... И что же?.. Тогда только собственно чувствуемъ настоящую пустоту, оставленную намъ утратою;—передъ тѣмъ мы чувствовали единственно жестокость похищенія. Не передъ нами ли обитель, покинутая нашимъ другомъ,—тѣ покои, въ которыхъ онъ живалъ, мѣста, въ которыхъ мы привыкли его видѣть? Не воскресаютъ ли для насъ часы и обстоятельства, когда онъ для насъ особенно былъ важенъ и дорогъ? А между тѣмъ мертвая тишина вокругъ его гроба: онъ лежитъ и тлѣетъ. Изъ той области, гдѣ онъ теперь, нѣтъ вѣсти, нѣтъ отзыва намъ въ область, гдѣ когда-то и онъ пребывалъ съ нами. И гдѣ-же онъ?

Кто знаетъ? Кто туда проникъ? Кто возвращался когда изъ страны, принявшей его, съ того невѣдомаго берега, изъ за того великаго океана, который переплыть всѣ мы должны, а который въ земной жизни знаемъ единственно по бурѣ трепета, охватывающаго насъ, если о немъ помыслимъ.

Боже, великій и непостижимый! Ты раздѣлил жизнь и смерть. Какъ мало открылъ Ты намъ о мірѣ, который ожидаетъ же и

насъ, куда ушло столько ближнихъ нашихъ, столько уходитъ и столько еще уйдетъ! Боже, несповѣдимый! Ты связуешь здѣсь сердца человѣческія столь тѣсно, узами, столь крѣпкими,— и Ты же утвердилъ законы, разлучающіе ихъ столь внезапно, кроваво отрывающіе ихъ другъ отъ друга, полагающіе между ними такую преграду, изъ-за которой къ намъ не приносится уже ни слова, ни вздоха, ни образа, ни даже сновидѣнія: все молчитъ кругомъ виталища тлѣнія, будто въ глухую полночь; мѣсто мы видимъ, покинутое братомъ,— и только! Сомнѣніемъ ли, вопросомъ ли, скорбію ли озабоченнаго сердца представится намъ эта дума,—но предадимся ей нынѣ, сядемъ мысленно у гроба почившаго и тутъ, гдѣ все такъ безмолвно, гдѣ нѣтъ звука, гдѣ нѣтъ знаменія вѣчности, спросимъ, почему и во всѣхъ ли отношеніяхъ такъ тихо надъ могилою? почему Богъ послалъ намъ такъ мало вѣстниковъ о нашемъ грядущемъ состояніи! И точно ли мало?—Быть можетъ, мы еще и возблагодаримъ Бога, какъ за все, что открылъ Онъ намъ, такъ и за все, что утаилъ отъ насъ.

„Никто же бо насъ себѣ живеть и никто же себѣ умираеть. „Аще бо живемъ, Господеви живемъ, аще же умираемъ, Господеви умираемъ: аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни „есмы“. Пос. къ Рим. гл. 14, ст. 7—8.

Человѣкъ конечно полагаетъ, что о смерти и состояніи послѣ смерти могъ бы онъ требовать болѣ свѣдѣній, чѣмъ имѣеть. Онъ чувствуетъ себя существомъ свободнымъ, дѣятельнымъ, разумнымъ, предусматривающимъ;—а между тѣмъ при шагѣ изо-всѣхъ важнѣйшемъ, при шагѣ изъ этого міра въ иной, онъ уже—не свободенъ, не дѣятеленъ и уже впереди ничего не видитъ.

Онъ не знаетъ, когда наступитъ его послѣднее утро, не знаетъ, близко-ли ходить отъ гроба и вѣчности, даже не знаетъ, что смерть и вѣчность.

Непредвидимая высшая сила, которой не можетъ онъ противиться, сила, коей и руки не усматриваетъ, беретъ его отсель и ему не извѣстно: когда? какъ? куда? Онъ долженъ ей слѣдовать, онъ долженъ быть единственно орудіемъ ея могущества. Что, кажется, противнѣе свободѣ разума, самостоятельности, всѣмъ истиннымъ и мнимымъ преимуществамъ человѣка? Что по видимому рѣшительнѣе

уничтожаетъ ихъ? И въ теченіе жизни для чего столько разсуждать, совѣтоваться и заботиться о шагахъ и движеніяхъ незначущихъ, столько себя обманывать призраками свободы и рѣшимости, добродѣтели и независимости, когда единственный, великій шагъ, который собственно и есть жизнь, которымъ вступили мы въ неё и которымъ изъ нея выйдемъ, отъ котораго все зависитъ и въ сравненіи съ которымъ все прочее является безконечно малымъ, когда этотъ-то шагъ не доступенъ нашей пытливости, когда при немъ-то мы рабы или тѣни мимолетныя,—ибо, какъ тѣни возникаемъ отъ свѣта чуждаго намъ пламени, и трепещемъ,—и мимо, и вотъ уже не стало насъ. Намъ, сновидцамъ на землѣ, снится жизнь труда и болѣзни,—и ту жизнь не мы себѣ дали, и не наши заботы продлятъ её. Наемники мы въ чужой службѣ и наблюдаемъ мы за тѣнію деревъ и жаждемъ конца работы. Подобно вѣтру проносятся дни наши, мчатся, какъ челпъ на стану ткацкаго,—и нѣтъ ихъ, и наши очи не возвратятся, да узрять благо, и къ тому не узрять насъ око живущаго.

Если гдѣ, такъ въ книгѣ Іова картины рабства и ничтожества жизни человѣческой изображены особенно ярко и возвышенно;—тѣмъ яснѣе стануть онѣ для насъ, когда разсмотримъ близкія связи этой жизни, отношенія, надъ которыми человѣкъ думаетъ господствовать, чувствованія, къ которымъ по видимому онъ опредѣленъ и которыя всѣ, назовемъ ли ихъ узами, отношеніями, чувствованіями, цѣлями, всѣ и вдругъ тутъ уничтожаются.

Вотъ, на примѣръ, умираетъ мать въ то самое мгновеніе, когда становится матерью, когда быть матерью готовится, но не будетъ. То первое дыханіе, которое ея дитяти даетъ жизнь, вмѣстѣ съ послѣднее: ей должно покинуть и жизнь и свѣтъ міра сего; ребенку, отдѣляемому отъ ея сердца, назначено на вѣки отдѣлить ея душу. Ей путь предлежитъ изъ міра, когда она даритъ міру своего младенца; дѣти при самомъ рожденіи безъ матери,—мать безъ дѣтей: все осиротѣло,—они другъ отъ друга отторгнуты, растерзаны.

Какъ, кажется, рокъ издѣвается надъ узами, имъ же самимъ связанными, смѣется, кажется, надъ чувствами, къ которымъ самъ же призвалъ смертнаго. Мы здѣсь, чтобы выбрать себѣ друзей, состояніе, званіе, кругъ дѣйствій,

супруговъ, обязанности, чтобъ исполнить цѣли и требованія природы;—и что же? мы ничѣмъ не располагаемъ въ будущемъ; никогда не спросятъ нашего согласія: долго ли захотимъ исполнять все тутъ названное: насъ похищаютъ и все за нами сиротѣтъ. Сердце оторвано отъ сердца, — дѣтямъ не помнить образа того, отъ кого получили бытіе, желанія не достигнуты, надеждамъ не удовлетворено; все покинуть долженъ человѣкъ, и тлѣнь будетъ ему въ отца, и прахъ въ брата и сестру; рабъ внезапно взятый высшимъ властителемъ, немощной, не себѣ онъ живетъ, не себѣ и умираетъ.

Не жестоко ли? не насильственно ли?

Но взглянемъ на весь порядокъ созданий Божіихъ: тамъ нѣтъ ничего жестокаго, ничего насильственнаго, нѣтъ недостатка, ни скудости; но вмѣстѣ нѣтъ излишка и расточенія: все распредѣлено сообразно потребностямъ и нуждамъ, — даже нѣкоторые кажущіеся пробѣлы и лишенія являются такими-же благодѣянiями, какъ и самые дары. Во всемъ великомъ царствѣ природы мы не видимъ ни одного животнаго, ни одной птицы, ни одной рыбы, у которыхъ было бы хоть однимъ какимъ нибудь естественнымъ побужденіемъ, силою, членомъ, перомъ, орудіемъ менѣе, чѣмъ имъ нужно, — но нѣтъ и такихъ, у которыхъ было бы что лишнее. Если вникнемъ въ этотъ общій законъ, не можемъ ли предположить, что и человѣку отказано только въ томъ знаніи, которое для него или дѣйствительно невозможно или бесполезно или даже вредно, словомъ противно его естеству тѣмъ болѣе, когда все же данное ему, самыя нужды и слабости, все до того ему прилично, полезно, необходимо, что безъ того и быть бы ему невозможно?

Итакъ если жалуемся на лишенія, если простираемъ притязанія и на то, въ чемъ намъ отказано, не обманываемся ли на счетъ силъ своихъ? Увлеченные заблужденіемъ или страстію не считаемъ ли себя существами совсѣмъ не тѣми, какими мы дѣйствительно?

Не покинемъ слѣда, на который теперь попали, — и мы въ самомъ дѣлѣ дойдемъ до причинъ, которыя заставляютъ насъ столько же благодарить Юга за то, въ чемъ отказалъ, сколько за то, что даровалъ Онъ намъ.

Птицѣ, которой не опредѣлено умчаться въ иныя лучшія

страны, которой для такого пути не дано ни полета, ни силъ, ни способности,—къ чему послужило бы стремленіе въ даль, къ чему таинственное прозрѣніе полей и земель, гдѣ ей не бывать во вѣки?

Такой даръ былъ бы ей только гибеленть:—она или осталась бы и роптала на судьбу свою, или пустилась бы за другими, но утомилась бы, обезсилѣла бы, не далекую чужую страну,—а гробъ свой обрѣла бы злополучная.

Вотъ почему благій Богъ, отецъ своихъ твореній, и не далъ ей стремленія туда, не далъ ей вѣдѣнія того края; да! это лишеніе столь-же отечески-милосердо, сколь милосердо даяніе тѣхъ же даровъ другой птицѣ, которая уносится въ край, котораго никогда не видала, о которомъ никогда не слыхала;—она летитъ мощная, полная упованія на внутренній голосъ природы и обрѣтаетъ страну обѣтованія. Тоже и съ человѣкомъ, и нашимъ предвѣдніемъ о смерти и жизни.

Къ чему ему было бы знаніе будущаго, когда это будущее не въ его власти,—знаніе, котораго не могъ бы онъ употребить, такое, которое по этому было бы ему только въ страданіе, въ безпокойство, въ муку? Счастіе, что ему въ немъ отказано! Къ чему ему очи для того, для чего нѣтъ у него ни рукъ, ни силы? Къ чему ему видѣть то, заботиться о томъ, къ чему не можетъ быть вождемъ самъ себѣ? Тутъ онъ уже не свой... Тутъ онъ Господа, и Господа премудраго, милосердаго!

Эта истина окажется для насъ еще яснѣе и очевиднѣе, если принаровимъ еѣ къ смерти и жизни. Пусть и считаетъ себя человѣкъ властителемъ и царемъ созданія, пусть онъ въ нѣкоторомъ отношеніи и дѣйствительно таковъ, въ отношеніи къ смерти онъ тѣмъ никогда быть не можетъ. Знаемъ ли мы, откуда мы? Какъ начались? Какъ существуетъ, живемъ и дышимъ въ это настоящее мгновеніе?

Нѣтъ! мы — мы силою намъ чуждою; мы самихъ себя нашли въ мірѣ; насъ никто не спрашивалъ, какъ и для чего бы поставить насъ въ мірѣ; мы невѣжествующіе, безотвѣтные найденыши Провидѣнія; живемъ мы не сами собой, но Господомъ всяческой жизни.

Ужели знаемъ, какъ живемъ? ужели знаемъ свою душу? или какими силами она дѣйствуетъ на соки мышцъ нашихъ,

на наше тѣло? Какъ мысль моя движеть мою рукою? какъ страсть возмущаетъ кровь мою? какъ изъ внѣшнихъ впечатлѣній рождается искра, пламя моей мысли? Нѣтъ,—настолько мало понимаю все это, на сколько сильно чувствую: и въ это мгновеніе, когда я такъ живо проникнуть этимъ ощущеніемъ, оно для меня — тайна. Мыслю, дышу, живу, но не самъ собою; рабъ есмь Господа Вышняго, — силу Его въ себѣ чувствую, — но не постигаю: живу Господеви..... Если такъ, какъ же мнѣ и умирать не Господеви, а самому себѣ, по своему произволенію? Невѣдущій, какъ пришелъ я въ міръ,—могу ли вѣдать, какъ, когда, куда изыду изъ міра? Душа моя дѣйствуетъ на силы мышцы моего тѣла, но какъ?... Это неизвѣстно мнѣ даже и въ то мгновеніе, когда въ нихъ ощущаю ея дѣйствія: и мнѣ ли знать, когда перестать ей дѣйствовать? мнѣ ли знать, когда разстройство орудія станетъ такимъ, что художница вмѣстѣ съ его послѣдними содроганіями покинетъ сплетеніе связей его — и удалится? Но спросили меня, въ какомъ состояніи родиться мнѣ въ мірѣ: равно возбранено мнѣ вѣдать, для чего изъ міра отрываюсь и куда лежитъ путь мой; нагъ и не свѣдущъ исшелъ я изъ чрева матѣри своей въ жизнь, — нагъ и не свѣдущъ долженъ я и покинуть жизнь.

Тотъ же вождь мнѣ и въ жизнь и изъ жизни: да благословится имя Господа!

Родъ человѣческой не великая-ли рать, которой отдѣльныя части и рои и вмѣстѣ и по одиночкѣ подымаются въ походъ во всѣ времена, во всѣ возрасты? Множество умираетъ младенцами, юношами, взрослыми и это множество совсѣмъ не исключеніе изъ общаго правила, совсѣмъ не предназначенія Божіи, будто-бы не достигшія своихъ цѣлей, хотя подъ часъ такъ и говорить неразуміе.

Этотъ порядокъ вѣчно продолжается, а постоянное продолженіе такого явленія показываетъ, что и тутъ міровыхъ намѣреній своихъ Распорядитель судебъ достигаетъ столь же совершенно и вполнѣ, сколь и въ событіяхъ, для взоромъ нашихъ самыхъ удовлетворительныхъ.

Родъ человѣческой не великій ли сонмъ дѣлателей? Каждый въ опредѣленный часъ призывается и отпускается; каждому опредѣлены урокъ, силы и орудія особенныя: иному даны мощныя страсти, но онѣ скоро истощаютъ елей

свѣтильника его жизни; иному же выпалъ жребій долгоденствія, но пламень его горитъ медленно, даже тускло; этотъ кроткій солнечный лучъ, тотъ быстрая въ ночи молнія; одинъ подведенъ подъ итогъ, какъ вычетъ,—другой, какъ приращеніе,—но всѣ въ общемъ счету Господа;—Господь требуетъ и цвѣтка, не въ срокъ сорваннаго, и душъ младенческихъ, рано отозванныхъ, и зрѣющей жизни юношей, и жизни во всей красотѣ силъ и упованія; всѣ онѣ распредѣлены Имъ правильно, стройно, согласно, премудро.

Весь родъ нашъ великая картина, въ которой всѣ степени свѣта и тѣни, и эти то именно степени причиною общей гармоніи. И кто-же смертный скажетъ: могу обозрѣть цѣлую картину, къ которой принадлежитъ и моя жизнь? Кто изъ насъ знаетъ, для какой цѣли онъ существуетъ и въ какомъ отношеніи эта цѣль ко всему человѣчеству всѣхъ странъ и столѣтій? И какимъ образомъ родъ человѣчскій только звѣно цѣпи вышей, и гдѣ въ той цѣпи мѣсто нашего звѣна,—кто вѣдаетъ? Не вѣдая же всего этого, кто можетъ сказать: „хочу постигнуть свое предопредѣленіе“, когда предопредѣленіе именно и состоитъ въ тѣхъ отношеніяхъ.

Но если бы мы постигли, для чего существуемъ, если бы разоблачилась судьба предъ нами несовершенными и никогда ничего несовершающими,—горе, горе было бы намъ! Увидѣлъ бы ты, человѣкъ, какъ ты здѣсь только тѣнь, только тѣнь тѣни,—какъ предпринимаешь то, чего не кончишь,—какъ стремишься, трудишься, печешься,—и не достигаешь. То уже было и съ предками твоими: и они стремились, заботились, трудились, начинали, но не достигали, не кончили.

Ты увидѣлъ бы, что и твой жребій тотъ же: начинать и не кончить, отойти и завѣщать и трудъ свой и тѣло праху, тлѣнію! Это ли желаешь ты видѣть, ясно видѣть; это ли содѣлать мыслию, господствующею тобою?

Но,—если бы такая мысль въ самомъ дѣлѣ могла бы надъ тобою господствовать,—куда бы дѣлись мужество твое и бодрость столь нужная для жизни?

Какъ бы предпринялъ ты, чего не довершишь, чего довершить не долженъ, чему такой конецъ назначенъ? Ужели ты еще былъ бы расположенъ къ тому, что нынѣ состав-

ляетъ прелесть твоей жизни?—говорю о надеждахъ и желаніяхъ, которыя тогда были бы для тебя пыткой, потому что вѣчно бы чувствовалъ: „вскорѣ онѣ будутъ надеждами увядшими, надеждами осиротѣвшими, вѣнками и цвѣтами оборванными“.

Грядущее отравляло бы тебѣ настоящее; будущая смерть—нынѣшнюю жизнь; ожидаемый недостатокъ, бѣдность, болѣзнь, разлука, тобою предузнанныя,—предложенное наслажденіе радостію, дружбою, любовію, дѣятельностію, надеждою. Ты бы тогда соединялъ съ предвѣдающею мудростію или лучше сказать съ смѣлою пытливостію ангела всѣ нужды слабаго человѣка, и вотъ почему страдалъ бы ты,—и міръ Божій былъ бы уже не міромъ Божиємъ,—и рушились бы его предначертанія; разстроился бы весь порядокъ ихъ, распались бы всѣ связи, все превратилось бы въ прахъ! Человѣкъ радостно обманывающій себя, беззаботный, незнающій, сталъ бы унылымъ изыскателемъ будущаго, мудрымъ и слабымъ, предузнающимъ и — злополучнымъ.

Нынѣ, когда человѣку подобаешь быть человѣкомъ, питать желанія несовершенныя и стремиться къ цѣлямъ здѣсь недостижимымъ, онъ къ счастію и въ предвѣдѣніи ограниченъ и несовершенъ и призраки надежды очаровываютъ его до гроба. Впереди его порхаетъ мечта и наслаждается тамъ, гдѣ ему самому уже не насладиться, надѣется,—гдѣ уже нечего надѣяться, играетъ, какъ птичка, щебечущая при послѣднемъ мерцаніи зари и, какъ она, не знаетъ, чѣмъ рокъ ей завтра угрожаетъ и что пользы въ знаніи?.. Въ силахъ ли птичка избѣгнуть зловѣщей пули, или человѣкъ смерти? А если не въ силахъ, такъ къ чему ему и видѣть смерть?

И такъ Провидѣніе сократило ее; она самое тлѣніе усѣяло цвѣтами; гроба не зримъ, пока не упадемъ въ его зѣвъ, а, упавъ, зримъ еще менѣе. Страдать опредѣлено слабому смертному только отъ настоящаго мгновенія; что прошло, то быстро изглаживаетъ въ душѣ его время своимъ, какъ опьяняющій напитокъ, вліяніемъ, а будущаго онъ не видитъ, обманываетъ себя призраками и по произволу рисуетъ себѣ то, чего нѣтъ.

Потому до тѣхъ поръ пока идетъ, онъ идетъ черезъ міръ,

руководимый рукою Божіею; когда же нельзя ужь идти ему, когда погасаютъ взоръ и силы душевныя, тогда онъ еще вѣрнѣе въ рукѣ Божіей. Богъ именно потому положилъ закономъ такое омраченіе силъ нашихъ, дабы показать, что человекъ и въ смерти и во снѣ подъ Его властію. Не зная, что такое сонъ, кто бы могъ разгадать его? Кто бы могъ предчувствовать, что онъ? Кто бы его не ужаснулся, какъ истинной смерти? Взгляните же, до чего изумительно и чудесно человекъ находится въ рукѣ Божіей: засыпаетъ, — и безъ его вѣдома возвращаются ему силы, въ глубокомъ снѣ и покоѣ весь организмъ его; просыпается, — и онъ родился сызнова и не вѣдаетъ, что такое сбывся съ нимъ.

Какъ сонъ, такъ и смерть.

И ежели дѣйствительно ясно намъ теперь отеческое милосердіе Божіе въ томъ, что смерть отъ насъ сокрыта завѣсой грядущаго, такъ тоже милосердіе найдемъ и въ томъ, что одѣта мракомъ и мало намъ извѣстна та даль, что лежитъ за гробомъ. Разсмотримъ и это.

Не изъ одного любопытства человекъ нерѣдко желаетъ проникнуть взоромъ въ тотъ міръ; не одно любопытство у него подъ часъ вызываетъ жалобы, что зрѣніе его въ замогильный край слишкомъ недальновидно; нѣтъ, тому бываютъ и благороднѣйшія побужденія. Иногда волнуютъ его сомнѣнія; иногда онъ живо чувствуетъ ничтожество земной жизни и жаждетъ хоть взглянуть на ту отчизну, которой ищетъ, на пути къ которой почти изнемогаетъ; всего же чаще тоска возникаетъ въ немъ, когда страданія устремляютъ туда вниманіе души его. Определили его существа ему милыя, тѣ которыя были ему на землѣ всего драгоценнѣе; ему бы хотѣлось быть съ ними, раздѣлять съ ними и сердце и міръ и состояніе; но ихъ нѣтъ; они далеко; они въ странѣ столь темной... Боже! гдѣ они? О! если бы возможно было и здѣсь еще узнать, что теперь съ ними, принять участіе въ ихъ жребіи или хоть получить о немъ истинное понятіе! Зачѣмъ тутъ Богъ открылъ намъ такъ мало? Зачѣмъ такъ неизмѣримо отдѣлилъ жизнь отъ смерти? У гроба все и тихо и уныло и спокойно и сюда не доносится отзывъ съ берега вѣчности. Почему же мы тутъ въ такомъ пустынномъ мракѣ?

Но — свѣтъ, котораго тутъ желаетъ тоскующее сердце, —

еслибъ и былъ возможенъ, — былъ бы намъ не въ пользу, а въ пагубу; и потому то Богъ и отказалъ намъ въ немъ! Сколько примѣровъ, что сонъ, изступленіе, пустой призракъ неимоვნно потрясали и разстраивали душу, ими цѣраженную, и оставляли въ ней слѣды неизгладимые! Образъ, однажды мелькнувшій, страшилище, тѣнь, призракъ уже не покидалъ потрясеннаго ужасомъ, запутывалъ всю нить его жизни, разрушалъ все его существованіе. Подобныя мечты были въ силахъ поколебать нравы, духъ, доблести цѣлыхъ народовъ и столѣтій. Человѣкъ — твореніе слабое, боязливое, суевѣрное. Ни къ чему нѣтъ въ душѣ его такой склонности, готовности, страсти, какъ къ впечатлѣніямъ необычайнаго, мрачно-необъятнаго, вѣчнаго, страшнаго, обливающего трепетомъ; и эти впечатлѣнія не легко изглаживаются. Пусть бы взглянулъ въ страну ту таинственную, — какой бы произошелъ беспорядокъ, какой хаосъ во всемъ бытіи ея! Не захотѣлъ бы онъ далѣе быть въ мірѣ, для котораго созданъ, а уже въ другомъ, еще только ему предназначеномъ.

Въ ожиданіи совершенно иного высшаго существованія опротивѣли бы ему всѣ дѣла праха земнаго, всѣ его мелкія радости и недостаточныя добродѣтели, всѣ его жалкія надежды и безсильныя усилія.

Рубежи между мірами стерлись бы, слились бы: земля бы получила духовидцевъ, ангеловъ, небожителей, а утратила бы дѣтей своихъ, смертныхъ, человѣковъ, людей исполненныхъ надеждъ и заблужденія, созданныхъ для земныхъ радостей и способныхъ къ земной дѣятельности, добродѣтельныхъ, но на первой только степени добродѣтели; ихъ бы она утратила, — а небо не приобрѣло бы ничего за тѣмъ, что и оно лишилось бы тѣхъ, которыхъ должно земными добродѣтелями приготовиться къ житію небесному. Слуги Божіи двухъ различныхъ областей смѣшались бы, двухъ областей, изъ которыхъ высшей нисшая служить основою; — смѣшались бы съ тѣмъ вмѣстѣ и предначертанія Господа. — Да будетъ же хвала Ему! Передъ нами виситъ завѣса, которой перѣдко и тогда еще не видимъ, когда уже стоимъ передъ нею. Вотъ она упала — и опять поднимется: насъ нѣтъ, — пасъ взяла вѣчность. Ни чье око не видѣло, ни чье ухо не слышало, въ сердце ни единаго человѣка не входило то,

что тамъ уготовилъ Богъ; но Богъ же уготовилъ то, и мы умираемъ Господеви.

Прибавьте же еще тѣ ощущенія человѣческаго участія, съ какимъ мы должны бы были сочувствовать всему, тамъ происходящему, сочувствовать нашимъ человѣческимъ, еще столь слабымъ, столь раздражительнымъ, сердцемъ! Намъ ли созерцать судьбу близкихъ намъ въ лонѣ вѣчности? Намъ ли измѣрять бездны смерти, проникать въ тайну событій, тамъ ихъ ожидающихъ? Что, ежели еще и тамъ страдаютъ они? Что, ежели мучаются раскаяніемъ и скорбію, возмездіемъ за жизнь свою?—Гдѣ человѣкъ, чья бы душа, чье бы сердце то вынесло?—Нѣтъ! при подобномъ зрѣлищѣ всякому собственная жизнь стала-бы въ тягость и онъ уже не могъ-бы наслаждаться ею.

А имъ, страдальцамъ, какая бы была польза отъ нашего страданія, отъ горя и сѣтованія, снѣдающихъ бытіе наше? Или, положимъ, мы бы видѣли восторги блаженства ихъ, сочувствовали бы имъ, ликовали бы, предвкушая здѣсь радость ихъ: сколь бы было тогда намъ тягостно и грустно медлить еще здѣсь въ прахѣ земномъ!—И вотъ безъ насъ, безъ нашего участія, безъ нашей житейской бодрости, безъ души нашей остались бы тѣ, съ которыми опредѣлено намъ жить, и такимъ образомъ и тутъ рупились бы предначертанія Божіи.

Да и возможно ли требовать очей, проникающихъ въ темныя отдаленности вѣчности намъ, едва ли не слѣпымъ и для близкаго времени? Плоть и кровь естество наше: имъ ли переносить отраженія вѣчности? имъ ли постигать назначеніе тѣхъ, которые уже не плоть и кровь, которые служатъ совершенію такихъ высшихъ предопредѣленій, для коихъ нѣтъ у насъ ни чувства, ни понятій? Намъ и лежащая передъ нами область Царствія Божія слишкомъ пространна и необъятна: намъ ли уразумѣть что объ области, до безконечности отъ ней различной? Намъ ли созидать на такихъ требованіяхъ свои сомнѣнія, свои желанія?—Да не будетъ!—Умираютъ ли кто, тутъ и проявленіе его для насъ кончилось; блѣдный покровъ смерти упадетъ на его члены; онъ закрываетъ очи для друзей своихъ,—знакъ, что эти друзья уже не для него; ухо его глухо ихъ жалобамъ,—знакъ, что эти жалобы уже за нимъ не послѣдуютъ.

При взглядѣ на его трупъ,—возникають въ насъ ощущенія, уже не призывающія къ нему, нѣтъ! отталкивающія насъ отъ него,—въ знаменіе, что онъ нынѣ подѣ закономъ Существа, Коему безвѣстны противныя эти ощущенія. Исчезъ въ тѣлѣ духъ, исчезла та искра, которою былъ онъ человѣкомъ живымъ и чувствующимъ, и рука разлагателя не найдетъ уже никакого слѣда ея, ни малѣйшаго, улетающаго его остатка.—Вскорѣ пронадеетъ и образъ человѣческій съ томнаго лица усопшаго: онъ начинаетъ истлѣвать; онъ просится въ землю, прочь отъ взоровъ, въ темное покоище! И обрѣлъ ли онъ необходимое,—да будетъ же, такъ сказать, тамъ священнымъ! да не возмутятъ его уже тамъ ни жалобы, ни хвалы, ни изысканія! Онъ почіетъ—и есть Господа, и тишина надъ нимъ и кругомъ его!—Довольно у насъ обѣтовъ безсмертія и вѣчности; но ихъ не найти намъ при могилахъ и костяхъ сухихъ. Не страшны, не ужасны эти обѣты; нѣтъ, свѣтлы и прекрасны, какъ свѣтла и прекрасна вся вселенная великаго Бога. Покинемъ же гробовой сумракъ, который насъ уже ни чему болѣе не научить; воззримъ на небо и поищемъ иныхъ удостовереній, что продлится бытіе наше.

Вообще, кажется, съ начала должны бы были занять насъ не доказательства безсмертія души и продолженія бытія ея послѣ смерти, не объясненія, что собственно значитъ умирать и что такое уничтоженіе. Пусть бы иное мыслящее существо нашло бы трупъ человѣческій, пусть бы взглянуло хотя бы и поверхностно на его наружное строеніе, уже не дѣятельное, но все же дивное, пусть бы всмотрѣлось въ лице это, столь искусно образованное, въ эти—даже и погасшіе глаза, въ это хитро созданное ухо, въ эти руки, члены...—Будь то мыслящее существо одарено хоть въ малѣйшей степени разумомъ, т. е. размышленіемъ,—оно и изъ видѣннаго уже должно заключить, что это тѣло было къ чему нибудь назначено, что составъ столь разнообразный, столь безконечно многосложный созданъ не даромъ такъ тщательно, словомъ, что чудесное зданіе вѣрно было орудіемъ другаго мыслящаго же существа, которое нуждалось именно въ такомъ, а не въ иномъ какомъ орудіи, но теперь уже въ немъ нужды не имѣетъ и—бросило его разрушенію. Далѣе пусть бы проникъ созерцатель и во

внутреннее строение этого хитрого орудія, пусть бы могъ углубиться взорами въ образование его и малѣйшихъ частей; наконецъ пусть бы встрѣтилъ другое подобное, но еще оживленное, дѣйствующее, и пусть бы тутъ же увидѣлъ, къ какимъ многоразличнымъ употребленіямъ назначены всѣ имъ прежде разсмотрѣнныя части; увидѣлъ бы, какъ все въ этомъ тѣлѣ работаетъ и держится, возбуждаетъ и чувствуетъ, бьется и движется, и какъ все и малѣйшее соединено тутъ такимъ образомъ, чтобъ именно такъ, а не иначе работать и держаться, возбуждать и чувствовать, биться и двигаться; пусть бы увидѣлъ, узналъ, какъ это чудесное око дѣйствительно видитъ, это чудесное ухо дѣйствительно слышитъ, сердце точно бьется.—словомъ, пусть бы позналъ, что мы безпрестанно познаемъ и чувствуемъ: ужели бы на мгновеніе усумнился, что все это существуетъ не безъ цѣлей, не безъ намѣреній и что тѣ намѣренія—жизнь, чувствованіе, приравленіе, употребленіе? что око рѣшительно сотворено для чего-то зрящаго, ухо для чего-то слышащаго, весь составъ для чего-то весьма нѣжно и многосторонне чувствующаго, для чего-то такого, чему онъ служитъ только сосудомъ, способомъ, орудіемъ, посредникомъ? Но вотъ, если бы опять обратился къ прежде найденному мертвому тѣлу, чтобы напоследокъ заключилъ наблюдатель нашъ? Ужели, что уничтоженъ оный внутренній, чувствующій, слышащій, видящій дѣйствитель? — Какой дерзкій скачекъ! какое бессмысленное слѣдствіе! Нѣтъ,—развѣ то, что орудіе чувствующаго уже не годится, что въ немъ нѣчто испортилось, повредилось и что отъ того и цѣлое уже не удобно для употребленія; то, развѣ, что художникъ, не нуждаясь уже въ немъ, бросилъ сосудъ свой..... Ужели въ томъ, что сосудъ поврежденъ, что орудіе попорчено, есть малѣйшій поводъ къ предположенію, что погибъ и самый художникъ? Кто при какомъ другомъ событіи нашего міра вздумаетъ заключить подобнымъ образомъ? А вѣдь не иное же что смерть: сѣтъ мышцъ спутывается, сердце останавливается, какаянибудь капля крови остываетъ, все это, что если не просто прекращенное движеніе, разстройство орудія? впрочемъ ни единая часть не превращается въ ничто; не исчезаетъ ни единая пылинка.

Природа ничего не лишается: все не только остается въ

томъ же твореніи, но и подъ тѣми же законами, подъ коими до тѣхъ поръ дѣйствовало въ тѣлѣ, — только не дѣйствуетъ уже въ этомъ именно тѣлѣ потому, что орудіе разстроилось. Отсюда ли слѣдуетъ хотя малѣйшее вѣроятіе уничтоженія, истребленія? Ясно, что тутъ перестаетъ только явленіе, только незначущее сочетаніе; но все, что было въ этомъ сочетаніи, остается, и тѣло теперь разрѣшенное все² возвращается въ свои стѣхи. И что же? — тому ли существу истребится, для котораго собственно и было составлено тѣло, которое его бживляло и съ какимъ-то всемогуществомъ, съ какою-то вседѣйствующею повсюду въ немъ присутствовало и дѣйствовало, которымъ однимъ оно и держалось и было правимо, которое одно ему предназначивало дѣли, одно собственно и было въ немъ самобытнымъ? Каждая самая послѣдняя часть орудія дѣйствителя останется, а ему умереть, этому художнику, этому творцу, этому таинственному отблеску Воинства? И почему же? потому что орудіе его повредилось..... Сколь нелѣпное, сколь неосновательное слѣдствіе!

„Но“, скажутъ, „мы не видимъ художника, когда онъ переселяется, когда покидаетъ свое жилище“.

Да могъ ли ты его видѣть, человекъ, могъ ли представить себѣ образъ его и тогда еще, когда онъ былъ въ тебѣ, когда ты ощущалъ его? Скажи, въ это самое мгновеніе ты же чувствуешь, что точно мыслишь, что точно есть въ тебѣ душа? Ты душу, ты мысль свою живо, внутренно чувствуешь; но что же мысль, что душа твоя? Свѣтъ? пламя? огонь? эфиръ? дыханіе?..

Нѣтъ, нѣчто совершенно иное: въ природѣ не найдешь ничего подобнаго; въ умѣ твоёмъ нѣтъ ея начертанія, въ языкѣ твоёмъ нѣтъ ей опредѣленія; все сравненія и уподобленія, взятая изъ тѣлеснаго міра, — смѣшны, когда говоришь о ней; она презираетъ пространство, время, отдаленность, образы.

Мигъ, — и она паритъ надъ звѣздами и солнцемъ, — мигъ, и она снова въ самой себѣ. Захочетъ ли чего, задумаетъ ли о чемъ, — могущество ея думы, и не вѣдая, уже въ рукѣ твоей, — хватается, дѣйствуетъ безъ промежутка, безъ траты времени. Вотъ въ ней вспыхиваетъ страсть, разгорается желаніе, жажда чего-то, — и вдругъ возмущается все море

соковъ тѣла твоего; сердце трепещеть, кровь волнуется, жилы дрожатъ, мѣшцы напругаются, мысль ея вездѣ. Или вотъ она воскрешаетъ картину минувшаго, отсутствующаго, смерти, — создаетъ вѣчность, творить, такъ сказать, изъ ничего свое настоящее, мыслить о томъ, чего никогда не видели, объ ангелахъ, существахъ высшихъ, духахъ, о Богѣ!.. Что же, скажи, она мыслящая? Свѣтъ, пламя, дыханіе? Безумецъ! то, чему нѣтъ въ твоёмъ ощущеніи подобія, образа, понятія и тогда, когда оно тобой ощущается, те ты хочешь видѣть, изслѣдовать, измѣрить тогда, когда оно уже нѣтъ предѣловъ твоего ощущенія!

Въ полномъ смыслѣ дитя, ты ловишь на стѣнѣ тѣнь, и не въ силахъ поймать, твердишь вопреки очевидности, что нѣтъ тѣни; этого мало! ты отрицаешь ея бытіе по такой причинѣ, о которой рѣшительно, несомнѣнно можешь самъ сказать, что то не есть причина!

Жилища тѣла моего; душа, — не знаю тебя, но чувствую, что ты бессмертна! чувствую, что ты благороднѣе всего, составляющаго тѣло мое; — ибо все это достается мнѣ и опять отъемлетъ, все это только твоё орудіе вовсе съ тобою не сходное. — Ты же хозяйка, ты госпожа въ своёмъ домѣ, ты лучъ Божества въ созданномъ для тебя храмѣ! Для тебя сотворено ухо, чтобы слышало, — око, чтобы видѣло; — или, нѣтъ! не ухо слышитъ, не око видитъ: ты слышишь и видишь ими, — ты движешь моею рукою, ты во мнѣ мыслишь моею мыслию. Если ни единая капля соковъ зѣнницы моей, ни единая плева изъ всѣхъ составляющихъ мое ухо не можетъ обратиться въ ничто, — такъ тебѣ ли исчезнуть, великая сила, оживляющая меня, мощное предначертаніе Всовышняго, ты, для коей все это создано, коею все это управляется, — ты, созерцающая себя и въ самой себѣ и во всемъ твореніи и въ Богѣ, сотворившемъ твореніе?

Душа моя, — истинно я есмь, истинно тебя въ себѣ чувствую и столь же истинно чувствую, что ты бессмертна; вѣчна, божественна!..

Вотъ что уже говорятъ намъ вѣншія отношенія и сравненія! Но сколь сильнѣе провѣщаютъ намъ внутреннія свойства души, ея естество, каждая изъ силъ, способностей, желаній ея, ея дѣятельность! Изъ всего этого ничему нѣтъ предѣла, конца, смерти!..

Все и всякое, даже сила совершенно во зло употребленная, способность самая необразованная, желаніе самое обманчивое, все невещественное одновременно, такъ сказать, вѣчною, носитъ въ себѣ зародышъ неизмѣримаго и цосему, — если только Богъ, разумъ и цѣль созданія не люди и предстители, вѣрный намъ вѣстникъ безсмертія, вѣрнѣйшій всякаго явленія изъ міра вѣшняго, ибо тутъ законы самой природы, предназначенія самаго Создателя; самая сущность души.

Не нужно доказывать, что сущность бытія человѣческаго — жизнь, что сущность жизни требуетъ всегдашняго существованія, — стремится впередъ къ дальнѣйшей степени блага, наслажденія, совершенства. Эта истина подтверждается намъ каждымъ нашимъ ощущеніемъ — и каждая наша мысль, каждое желаніе, каждое намѣреніе, дѣло и ожиданіе не иное что, какъ проявленіе, признакъ, образъ той сущности, того непрерывнаго чувствованія.

Человѣку не жить тоже что не быть: если онъ живъ въ мигъ настоящій, а въ слѣдующій не живъ, — онъ и въ настоящій не живъ. Да, если бы было такъ, наслажденіе бытіемъ для него-бы утратилось; онъ терзался бы болѣзнію и мукою, худшимъ самой смерти. Но онъ этого не можетъ и чувствовать, онъ не можетъ и вообразить такого состоянія. Въ душѣ человѣческой о небытіи нѣтъ и понятія: быть для нея значитъ жить т. е. стремиться, помышлять, желать, дѣйствовать на будущее; ей всегда свойственна мысль о вѣчномъ. Она не вѣдаетъ конца, предѣла, смерти.

И это-то принадлежность не нѣкоторыхъ только превосходныхъ душъ, но всѣхъ, но всякой; невозможно вообразить ни въ какой ни одного дѣйствія, ни одного мгновенія, ни одной мысли, ни одного желанія безъ желанія продолженія, безъ стремленія впередъ къ большому, дальнѣйшему, болѣе совершенному. Души — и самая темная и самая снѣдлая, величайшій безумецъ и высочайшій мудрецъ, алѣйшій грѣшникъ и мужъ самый благородный и добродѣтельный тутъ въ сущности совершенно одинаковы; различествуютъ они единственно въ способахъ исполненія, средствахъ, намѣреніяхъ.

Словомъ законъ этотъ служитъ основою всей жизни, всему существу и бытію нашему.

И такъ онъ внутри насъ начертанъ Богомъ: явно же предначертаніе Божіе въ законахъ творенія никогда не обманываетъ. Нѣтъ смысла въ словахъ, будто Богъ-Создатель можетъ прельстить насъ, свое созданіе, которому, какъ вѣль природы, Онъ столь явно открылъ свое намѣреніе.

Не прельщаетъ же Онъ и птицы, даруя ей влеченіе въ даль, ею доселѣ невиданную; птица повинуется влеченію, вѣрно обрѣтаетъ тотъ далекій край и тамъ все ей необходимое, избѣгаетъ опасностей и — счастливо возвращается. Равно не прельстилъ Онъ и души нашей, давъ намъ глаза для зрѣнія, уши для слышанія: непосредственно ими она и видитъ и слышитъ, пріемлетъ понятія, образы, звуки и — развивается. Какъ же прельститъ Онъ ее, сотворивъ ей такую сущность, которая проникнута мыслию о своемъ продолженіи, которая вѣчно стремится впередъ, вѣчно хочетъ, желаетъ, требуетъ и дѣйствуетъ, никакихъ не признаетъ граней и жаждетъ жизни безконечной?

На этомъ основано все существо ея, съ этимъ связаны, все ея труды, способности, стремленія, добродѣтели: не отъ себя имѣетъ она все это, а гдѣ сила Божія, тамъ кончено и Божіе предопредѣленіе.

На сколько вѣрны и не обманчивы и влеченіе птицы и зрящая сила самой души, на столько же вѣрны и необманчивы ея сотвореніе для жизни безконечной и путь ея по неизмѣримой дорогѣ въ необъятное, въ вѣчность, — къ совершенству.

А что человекъ здѣсь въ земномъ быту своимъ никогда не достигаетъ совершенства, ужели еще нужно кому и упоминать о томъ?

Что наша истина, наша добродѣтель, наша доброта сердечная? наше рвеніе къ общему благу?

Истина — темное мерцаніе, лучъ солнечный, проникающій сквозь туманъ, свѣтильникъ тусклый, помрачаемый заблужденіями, сомнѣніями, печальями.

Добродѣтель — сколь скудна и недостаточна! Дѣла наши, самыя даже яркія, тѣ, которыя называемъ своими лучшими, какими нерѣдко связаны нитями, отъ какихъ подъ часъ происходятъ побужденій! Соки сердца нашего, обращающіеся во всемъ организмѣ нашемъ, сколь нечисты, сколь грубы, какого земнаго свойства?

Цотокъ времени увлекаетъ насъ, увлекаетъ всѣхъ нашихъ ближнихъ, ничево не оставляетъ. Начиная создавать, не заканчиваемъ—и должны удалиться; потомъ жидеть на развалинахъ нашихъ начинаній, также не заканчиваетъ, также долженъ удалиться: все несовершенно, мгновенно, ничтожно. Но есть же въ этомъ сновидѣнн дѣйствительное; но среди этого ничтожества есть же неотвергаемая цѣль, неспоримое намѣреніе Божіе, возвышающее то сновидѣнне о совершенствѣ до ясности вѣчно не дремлющаго откровенія! А съ другой стороны вопреки совершенству достигнутому, имъ въ этомъ добромъ сновидѣннн, не самый ли человекъ; здѣсь единственное твореніе недовершенное, неканченное?

Нѣтъ животнаго, которое при тѣснѣишемъ, правда, кругѣ дѣйствій и при дѣйствіяхъ болѣе однообразныхъ не выполнядо бы своего назначенія лучше человека, не достигало бы въ этомъ своемъ кругѣ очевиднаго совершенства и безъ наставленій, безъ посторонней помощи....

Зданіе пчелы и ткань шелковичнаго черва въ своемъ родѣ произведенія художественныя гораздо болѣе совершенныя, нежели все производимое человекомъ для достиженія цѣлей своихъ, ибо каждый изъ насъ въ большей или меньшей степени, но все же каждый умираетъ, не кончивъ своего дѣла. Что же знаменуетъ все это?

Человекъ, такъ сказать, преломленіе звуковъ, смѣлая, береговая черта между моремъ и сушею, средннее созданіе между животнымъ и ангеломъ. Онъ видитъ подъ собою столько твореній, которыя ниже его, въ немъ самомъ столько зачатковъ и столь мало конченнаго, столько зародышей силъ и столь мало плодовъ совершенства, что вѣрно и какъ нельзя вѣрнѣе есть еще и надъ нимъ въ гораздо болшемъ числѣ существа высшія.

Это не одно предположеніе, не мечта, не сладостное только заблужденіе. Глядя на начатую картину, дѣло рукъ художника несовершеннаго, мы не сомнѣваемся ни мало, что за яснѣющимъ переливомъ тѣни непременно долженъ слѣдовать свѣтъ; слушая музыку, произведеніе такого же художника, мы равно ни сколько не сомнѣваемся, что въ слѣдъ за мгновеніемъ, гдѣ переломъ звуковъ достигаетъ самой высшей дерзости, непременно должны слѣдовать урав-

новѣшваніе и мелодія: наше вниманіе напередъ угадываетъ гармонію; надѣется на нее, предвкушаетъ ее. И что же? передъ нами необъятно великое искусственное созданіе художника: совершеннѣйшаго, такое, въ которомъ блескъ не-исчетныхъ началъ, предначертаній, красотъ, — чудесь съ земли озаряетъ для насъ небо, а съ неба землю, въ которомъ все и малѣйшее и величайшее проповѣдуетъ намъ премудрость и благодать Творца, — въ которомъ до плоти человѣкъ самый блистательный итогъ различныхъ цѣлей своего Создателя, по духу же — прекраснѣйшее поле горняго посѣва, только не здѣсь созрѣвающаго, ангель въ ризѣ смертности, высокая, свѣтлая мысль Бога, только заточенная въ прахъ и слабости; передъ нами это чудесное созданіе, и ужели хотя на мигъ усомнимся, что въ немъ есть постепенность и разрѣшеніе?

Когда взгляну на дивную вселенную, исполненную всюду мыслей и началъ; явныхъ цѣлей и премудраго ихъ достиженія, когда склоню взоры даже на цвѣтокъ, нынѣ благоухающей, блестящей, а недавно еще безжизненный, заключенный въ сѣмени, на весну воскресающую кругомъ меня въ столь различныхъ образахъ, а за нѣсколько еще недѣль погребенную подъ льдомъ и снѣгомъ, на птицу, что теперь такъ радостно поетъ и вскорѣ умчится въ далекую, чужую сторону, на солнце, что вотъ заходитъ такъ пышно, чтобы подняться въ иномъ мірѣ, — нѣтъ, Боже мой! не можетъ быть обречено гибели благороднѣйшее, дѣйствительнѣйшее сѣмя, Тобою во мнѣ посѣянное, божественное сѣмя мудрости, силы, благодати!

Цвѣтъ, которому Ты опредѣлилъ развиться изъ лона моего, не можетъ погибнуть: весна мнѣ образъ безсмертія, красоты, воскресенія: и мое влеченіе туда отъ Господа, и оно столь же мало обманчиво, какъ влеченіе странствующей птицы въ даль, какъ путь заходящаго солнца. Вижу по всему меня окружающему, чувствую въ самомъ себѣ, что нѣкогда развяжутся совсѣмъ пути души моей, которая нынѣ то возлетаетъ выше звѣздъ и солнца, то льнетъ къ праху земному; ей дастся высшее пареніе; ея добродѣтели, здѣсь изнемогающей въ пыли, будетъ нѣкогда даровано болѣе силы и дѣятельности, будетъ назначено поприще болѣе пространное, чтобъ она могла приблизиться къ наградѣ своей и по-

служить дальнѣйшимъ предопредѣленіямъ Божиимъ лучше, чѣмъ то возможно ей здѣсь, хотя и здѣсь она чувствуетъ уже призывъ къ дальнѣйшему, совершеннѣйшему служенію.

Боже Всемогуцій! въ звѣздную ночь подъеблю я къ небесамъ очи свои: сколько велико твореніе Твое, Твоя вселенная, Твое царство! Сколько странъ и пространствъ; о которыхъ печешься Ты, которыя нѣкогда озаришь для меня, въ которыхъ можетъ меня осчастливить!...

Ношуся взорами по Твоей тверди звѣздной, вижу луны и солнце, Тобою сотворенныя, созерцаю великое единство природы, полной чертежей безпредѣльныхъ и дѣтъ и степеней и связи.....

Господи! Господи! въ семь чудномъ царствіи Твоемъ, „что есть человѣкъ; яко помниши его, или сынъ человѣческій, яко посѣщаеши его?“

Малое время Ты здѣсь оставляешь его въ сумракѣ, въ изгнаніи, но въ грядущемъ Ты вѣнчаль его славою и честію.. Здѣсь человѣкъ подъ искусомъ, онъ здѣсь въ состояніи среднемъ, его здѣшнее бытіе—узелъ, но узелъ разрѣшится, за испытаніе награда.

А. Вознесенскій.